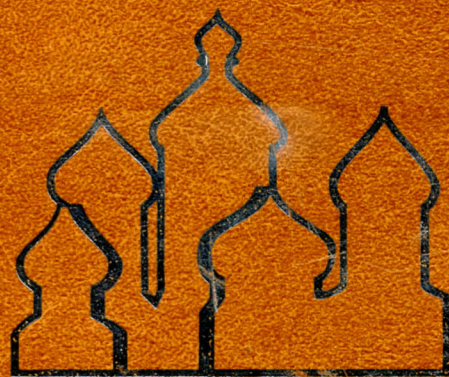




ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИИ

Программа фундаментальных исследований
Президиума Российской академии наук

Историко-культурное наследие и духовные ценности РОССИИ

Программа
фундаментальных исследований
Президиума
Российской академии наук

Ответственные редакторы
А. П. Деревянко,
А. Б. Куделин, В. А. Тишков



МОСКВА
РОССПЭН
2012



Публикуется в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
«Историко-культурное наследие и духовные ценности России»



Ответственные редакторы:
А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков

Утверждено к печати Отделением историко-филологических наук РАН

И89 **Историко-культурное наследие и духовные ценности России** / отв. ред. А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков; Отд. ист.-филол. наук РАН. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 642 с.: ил.

ISBN 978-5-8243-1662-9

В книге отражены важнейшие результаты по Программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (2009–2011 гг.). В реализации программы приняли участие исследователи научных учреждений Отделения историко-филологических наук, Отделения общественных наук, а также региональных отделений и центров Российской академии наук. Основными направлениями по программе были: древнейшее наследие и истоки творческих начал человека; археологические древности России; цивилизационные и геополитические особенности истории и становление гражданского общества в России; традиции и новации в культуре народов; историко-культурное наследие в языке, литературе и фольклоре; философское осмысление историко-культурного наследия; музейные и архивные фонды: изучение и обеспечение нового качества доступа к культурному наследию. В итоговых статьях по этим направлениям представлены классические интерпретации отечественного историко-культурного достояния, включая памятники материальной и духовной культуры населения на территории нашей страны. Предложены исторические оценки, связанные с потребностями современного развития России и ее нового геополитического положения. Раскрыто мировое значение отечественного историко-культурного наследия и высокие стандарты духовных ценностей российского народа.

Для археологов, историков, антропологов, социологов, лингвистов и широкого круга читателей.

УДК 572
ББК 87

при Императорской Академии наук. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1910. Т. VIII. 47 с.

Гиндин Л. А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. II (К балкано-хетто-лувийским изоглоссам в преданатолийский период) // Этимология. 1972. М.: Наука, 1974. С. 149–159.

Головнев А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Ковтун И. В. О датировке антропоморфов в грибовидных головных уборах // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918–1937 гг.: Материалы всероссийского семинара, посвященного 125-летию Б. Э. Петри. Иркутск: Амтера, 2009. С. 237–242.

Ковтун И. В. Индоарийские диалекты и сейминско-турбинские бронзы // Этническая история и культура тюркских народов Евразии. Омск: Издатель-Полиграфист, 2011. С. 331–338.

Ковтун И. В., Марочкин А. Г., Русакова И. Д. Археологические комплексы в устье р. Долгая и культурно-хронологическая атрибуция петроглифов Новоромановской писаницы // Материалы научной сессии ИЭЧ СО РАН 2010 года. Кемерово, 2010. Вып. 2. С. 84–95.

Колесникова С. Ю. Календарь в традиционной культуре селькупов. Томск: Изд-во Томского политехнического ун-та, 2010. 136 с.

Кузьмина Е. Е. Финно-угры и индо-иранцы: динамика культурных связей // Балто-славянские исследования 1988–1996. М.: Индрик, 1997. С. 184–190.

Лелеков Л. А. Термин «арья» в древнеиндийской и древнеиранской традициях // Древняя Индия. Историко-культурные связи. М.: Наука, 1982. С. 149–163.

Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. 4-е изд., репр. М.: Вост. лит-ра, 2006. 407 с.

Невелова С. Л. Мифология древнеиндийского эпоса (пантеон). М.: Наука, 1975. 118 с.

Огигенин Б. Л. Структура мифологических текстов «Ригведы» (Ведийская космогония). М.: Наука, 1968. 115 с.

Окладников А. П., Мартынов А. И. Сокровища томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М.: Искусство, 1972. 255 с.: 38 ил.

Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. XI. С. 335–375.

Прокофьева Е. Д. Материалы по шаманству селькупов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам второй половины XIX – начала XX в.). Л.: Наука, 1981. С. 42–68.

Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза. Киев: София, 2000. 480 с.

Kubarev V. D., Jacobson E. Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Sibirie du sud 3: Kalbak-Tash I (République d'Altai). Paris, 1996. № 3. XXIII + 15 pl., 45 p., 662 fig.

И. П. Лазаретов, А. В. Поляков, Ю. Н. Есин, Н. И. Лазаретова

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ОКУНЕВСКОГО КУЛЬТУРНОГО ФЕНОМЕНА

Окуневская культура Хакаско-Минусинской котловины, несомненно, представляет собой один из наиболее ярких феноменов в ряду археологических культур степной Евразии эпохи ранней и средней бронзы. Монументальные курганные сооружения, разнообразные могильные конструкции, динамичный погребальный обряд, многочисленный инвентарь, а главное – великолепное и разноплановое окуневское искусство традиционно привлекают пристальное внимание ученых к этой весьма немногочисленной группе памятников. Окуневской проблематике уже посвящено несколько коллективных монографий, отдельных тематических сборников и сотни статей. Едва ли найдется еще одна археологическая культура сопоставимого масштаба, материалы которой были бы практически полностью опубликованы и введены в научный оборот. Тем не менее вопросы происхождения, да-

тировки и антропологической характеристики населения окуневской культуры по-прежнему остаются дискуссионными. В сложившейся ситуации каждый новый исследованный памятник способен коренным образом изменить наши представления о формировании и путях развития этого неординарного культурного феномена.

В 2009–2011 гг. в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» по проекту «Формирование окуневского культурного феномена» были раскопаны четыре окуневских кургана уйбатского (раннего) этапа культуры, содержащих свыше 40 захоронений различной степени сохранности (Уйбат-Чарков, к. 1; Красный Камень, к. 1; Итколь II, к. 14 и к. 26).

Особый интерес вызывает архитектурный комплекс кургана 1 могильника Красный Камень, где

квадратная ограда размерами 12,5 на 12,5 м, имевшая дополнительные диагональные каменные выкладки, оказалась вписана в кольцо из менгиров диаметром 60 м. Судя по уцелевшим плитам, образующие его вертикальные камни устанавливались на удалении около 7 м друг от друга и были обращены широкой плоскостью к центральному захоронению. В пределах этого кольца к востоку от кургана располагалась прямоугольная ритуально-поминальная площадка размерами 6 на 6 м, оштукатуренная врытыми на ребро плитами. Подобные ритуальные оградки, не содержащие захоронений, ранее были выявлены у целого ряда окуневских погребальных комплексов (Поляков, 2010). По своей архитектуре курган 1 могильника Красный Камень представляет практически точную, слегка уменьшенную копию известного окуневского комплекса Туим-Кольцо (Кызласов, 1987). Не исключено, что и другие окуневские ограды с диагональными кладками могли быть вписаны в аналогичные кольцевые сооружения из отдельно стоящих менгиров. Примечательно, что в центральных могилах четырех из шести исследованных курганов с диагональными каменными выкладками, где удалось определить половую принадлежность погребенных, оказались захоронены женщины репродуктивного возраста. Центральные могилы других окуневских курганов содержали индивидуальные мужские или коллективные погребения. Масштабность конструкций, необычная архитектура комплексов с диагональными каменными кладками указывает на повышенный социально-ритуальный статус таких объектов и позволяет рассматривать их как особый, довольно редкий тип окуневских погребальных сооружений.

Любопытную стратиграфическую ситуацию удалось проследить в кургане 14 могильника Итколь II, где комплекс афанасьевской культуры был повторно использован для захоронений в окуневское время. Круглая афанасьевская ограда оказалась аккуратно вписана в квадратное окуневское сооружение из врытых на ребро плит песчаника. Получившаяся конструкция, однако, не была симметричной, т. к. на момент перестройки часть ранней кладки уже оказалась разрушена и сползла вниз по склону. Здесь окуневцам пришлось отступить от афанасьевской ограды и включить образовавшийся плитняковый развал в пределы своего сооружения. Первоначальная могила была ими полностью уничтожена, разрозненные кости человека и фрагменты афанасьевского сосуда выброшены в междоуровневое пространство. Очищенная таким образом площадка была использована для устройства нескольких окуневских захоронений. В данном случае мы имеем дело с редчайшим для Хакасско-Минусинской котловины явлением, которое можно охарактеризовать как *впускной курган* в ино-

культурный могильник (Подольский, 1997. С. 117). Появление таких комплексов наряду с отдельными впускными захоронениями в курганы предшествующего времени, вероятно, связано с желанием заведомо пришлого окуневского населения подчеркнуть свои местные истоки и тем самым утвердить право на обладание данной территорией. Не случайно абсолютное большинство окуневских впускных погребений в афанасьевских курганах относятся к раннему этапу культуры. К началу черновского этапа эта традиция утратила свою актуальность и практически полностью угасла.

Могильные конструкции в исследованных курганах оказались чрезвычайно разнообразными. В них обнаружены захоронения в катакомбах, в обширных грунтовых ямах, в ямах с заплечиками и в каменных ящиках. Довольно отчетливо прослеживается общая линия развития погребальных сооружений: грунтовые ямы и ямы с заплечиками – ямы с каменным обрамлением их нижней части – каменные ящики. Причем с течением времени размер и глубина могил постоянно уменьшались, а каменные ящики как бы «всплывали» на поверхность. Абсолютным рекордсменом оказалось центральное захоронение кургана 1 могильника Уйбат-Чарков, где грунтовая яма с заплечиками размером 3,4 на 2,8 м (2,2 на 1,6 м по дну) была углублена в материк на 4,4 м. Грунтовые могилы аналогичной конструкции и глубины наряду с захоронениями в катакомбах характерны для комплексов позднего и переходного ямно-катакомбного времени степной зоны юга России. Вероятно, именно в этих районах следует искать истоки окуневской погребальной традиции.

Исследование кургана 1 в могильнике Уйбат-Чарков позволяет также поставить вопрос о дифференцированности погребального обряда в раннеокуневских комплексах по половому признаку. Все мужчины в этом кургане были захоронены на спине, с ногами, согнутыми и поднятыми коленями вверх, женщины располагались в скорченном виде на правом боку. Женские захоронения на правом боку обнаружены и в других ранних окуневских могильниках. Примечательно, что уже к финалу уйбатского этапа погребения на боку становятся редкостью. На черновском этапе культуры и мужчин, и женщин хоронят только в положении на спине. Это наблюдение позволяет определить половую принадлежность некоторых покойников из старых раскопок и уточнить хронологическую позицию целого ряда погребений, не содержащих надежных датировочных материалов.

Вещевой комплекс ранних окуневских курганов отличается значительным количеством и разнообразием предметов. В результате проведенных раскопок получена крупная серия керамических сосу-

дов, несколько медных ножей и шильев, множество украшений из клыков животных, кости и камня. Характерной особенностью ранней окуневской погребальной посуды является частое присутствие в зоне венчика пояска орнамента из «жемчужин», выдавленных изнутри, а также интенсивная окраска внешней поверхности сосудов охрой. На горшках черновского этапа «жемчужины» заменяются на налепные шишечки или ямки, а наиболее показательной орнаментацией становятся прочерченные горизонтальные желобки в зоне венчика и в придонной части сосудов. В уйбатских комплексах регулярно обнаруживаются украшения в виде мраморных шариков с просверленным отверстием, а также костяные колечки, гладкие или с насечками, нарезанные из трубчатых костей животных. В погребениях позднего этапа эти категории предметов практически не встречаются и могут рассматриваться как дополнительный хронологический индикатор.

Несомненной удачей можно считать находку в ограде кургана 1 могильника Красный Камень клада каменных орудий из 7 предметов. В его состав входили три «топора», пест, «утюжок», прямоугольная плитка-абразив и терочник с изображением головы козла. Изделия были компактно уложены в небольшую ямку, выкопанную в насыпи рядом с одним из погребений. За исключением абразива, все изделия выполнены в единой технике (точечная выбивка с последующей шлифовкой), из одинакового материала (зеленая речная галька) и составляют единый функционально-ритуальный набор. Трассологический анализ, выполненный О. Н. Загородней и Е. Ю. Гирей, показал, что явные следы износа прослеживаются только на «топорах». Их рабочие части местами выщерблены и вновь залощены до матового блеска. Один из краев лезвия «топоров» сработан и затуплен в заметно большей степени, чем другой. Вероятно, эти орудия предназначались и активно использовались для проведения земляных работ непосредственно на могильнике: прорубания оградных канавок, рыхления грунта при выборке могил, нарезки дерна. Пест, судя по наличию на торцевой поверхности микрочастиц охры, применялся для растирания красок в деревянной ступе. Вкрапления охры также обнаружены на всей поверхности терочника. Хотя найденные орудия и составляют единый комплект, они относятся к разным сферам трудовой деятельности. Ими можно было осуществлять земляные работы, растирать краски, производить заточку инструмента, делать выбивки. По-видимому, этот набор не принадлежал конкретно кому-то из погребенных в кургане людей, а предназначался для могильника в целом.

Наибольший интерес вызывает предмет, украшенный изображением головы козла. Это речная

галька сигарообразной формы, подработанная пикетажем и шлифовкой. На ее утолщенном конце в технике низкого рельефа выполнены глаза, уши и рога животного. На брюшковой грани изделия оформлена плоская рабочая площадка. Оба конца предмета имеют достаточно выразительные следы «затертости от рук». Данная находка позволяет установить культурную и хронологическую принадлежность целой серии подобных изделий, происходящих из случайных находок, а также уточнить их функциональное назначение. Аналогичные предметы называют пестами, атрибутами фаллического культа, зооморфными жезлами или переносными изваяниями. Помимо формы и размеров их объединяет обязательное наличие на брюшковой или боковой грани орудия уплощенной площадки, характерной именно для терочников. Условия находки позволяют предположить, что данные орудия вовсе не предназначались для регулярного применения по своему прямому назначению, а входили в состав орудийных комплектов, необходимых для проведения погребальных и поминальных ритуалов непосредственно на могильнике. В нашем случае «топоры» из состава клада имели вполне реальную прикладную функцию, а пест, «утюжок», абразив и терочник использовались только для подготовки и проведения погребальных ритуалов. После совершения очередного захоронения комплект убирался в «хранилище» до организации следующих похорон. На всех известных нам орудиях изображены разные персонажи: бык, козел, хищник, рыба или змея. Возможно, это означает, что каждый из окуневских коллективов поклонялся своему тотемному животному, реальному или мифологическому, и использовал именно этот образ при проведении погребальных ритуалов.

В центральном женском захоронении кургана 1 могильника Красный Камень был найден прекрасно сохранившийся костяной гребень с антропоморфным изображением. В плане он выглядит как верхняя часть женской фигурки. Сдвоенные зубчики на верхней и боковых гранях изделия в сочетании со сквозными прорезями имитируют косички, обрамляющие сердцевидную личину. Контур человеческого лица, глаза, нос и рот переданы выступающими рельефными линиями. Собственно рабочая часть гребня состоит из 12 тонких, тщательно обработанных зубцов. Эта находка позволяет уточнить культурно-хронологическую принадлежность значительной серии антропоморфных изображений с косичками и сердцевидными личинами, выполненными на скальных писаницах Хакаско-Минусинской котловины и за ее пределами. Пожалуй, наиболее близким аналогом изображению на гребне из Красного Камня может считаться рисунок из грота Проскурякова на реке

Белый Июс. Представленные на нем персонажи также имели характерный сердцевидный абрис лица и косички (Есин, 2010. С. 71. Рис. 14: 3). Руки у центральной фигуры были согнуты в локтях и уперты в бока. Последнее изображение обнаруживает несомненное сходство с рисунком на плите из погребения 4 в могильнике Озерное на Алтае (Погожева, Кадиков, 1979. С. 84. Рис. 4), принадлежность которого к каракольской культуре некоторыми исследователями до сих пор подвергалась сомнению (Абдулганеев, Кирюшин, Кадиков, 1982. С. 60). Теперь же, благодаря находке гребня в могильнике Красный Камень, датировка такого рода персонажей эпохой ранней бронзы может считаться окончательно установленной.

Особо значимые открытия сделаны в области изучения окуневского искусства. В исследованных курганах обнаружено свыше 20 плит с рисунками, коренным образом меняющих наши традиционные представления о времени формирования и путях развития окуневской изобразительной традиции. Так, в кургане 1 могильника Уйбат-Чарков впервые в погребальном комплексе была обнаружена личина, выполненная в джойском стиле. Рисунки этой изобразительной группы весьма специфичны и отличаются от прочих окуневских личин сочетанием характерных, легко узнаваемых иконографических приемов: отсутствие контура лица, множественные поперечные линии с развилками на концах, обрамление зоны рта угловыми скобками. Абсолютное большинство известных личин джойского стиля сконцентрировано на нескольких скальных навесах, расположенных в труднодоступных горно-таежных районах на окраинах Хакаско-Минусинской котловины. К тому же рисунки эти нанесены не выбивкой, как на других писаницах, а выполнены охрой. Традиционно считалось, что их появление там связано с вытеснением части окуневского населения из степной зоны на таежную периферию под давлением андроновской экспансии. Это допущение теоретически могло бы объяснить и странную локализацию, и прогрессирующий упадок стиля окуневских антропоморфных изображений в поздний период их существования. Однако первая же находка личины джойского типа в погребальном комплексе полностью разрушает эту стройную концепцию. Захоронение в катакомбе кургана 1 могильника Уйбат-Чарков, в котором было обнаружено данное изображение, безусловно, относится к раннему этапу окуневской культуры. К тому же плита с личиной использована в нем в качестве простого строительного материала и установлена в погребении изображением вниз. Рисунок охрой выполнен на торцевой грани каменного блока и частично заходит на его боковую плоскость. Верхняя часть личины, расположенная на боковой плоскости, сохра-

нилась заметно хуже, чем нижняя, прорисованная на узкой грани. Вероятно, камень с изображением, до помещения его в могилу, какое-то время находился на открытом воздухе. Тогда он располагался в горизонтальном положении и, возможно, представлял собой верхнюю часть скального выхода, на котором первоначально и были нанесены рисунки. В этом же погребении и также в переиспользованном состоянии обнаружена еще одна плита с выбитой окуневской личиной. Она почти в точности повторяет стелу из центрального захоронения кургана 1 могильника Уйбат V – отсутствие контура, глаза с черточками «бровей», рот, горизонтальная полоса на месте носа (Лазаретов, 1997. Табл. XI: 3). Эти находки позволяют утверждать, что первые рисунки, выполненные в джойском стиле, и изображения уйбатского типа появляются очень рано, еще на стадии формирования окуневской изобразительной традиции. Такое же сочетание вариантов личин, как в кургане 1 могильника Уйбат-Чарков, отмечено и на Малоарбатской писанице (Леонтьев, Капелько, Есин, 2006. С. 20. Рис. 6: 1, 2, 4). Аналогичные изображения ранних типов имеются также в составе других «иконостасов». Судя по ним, функционирование Малоарбатской писаницы и других горно-таежных местонахождений рисунков джойского стиля началось еще на уйбатском этапе окуневской культуры, задолго до андроновской экспансии. Их появление на периферии Хакаско-Минусинской котловины требует иного объяснения, не сопряженного с хронологическими причинами.

Картографирование личин джойского типа показало, что все известные нам местонахождения таких рисунков расположены на древних тропах, соединяющих Хакаско-Минусинскую котловину с современной Тывой и Кемеровской областью. Вероятнее всего, в местах установки стел с личинами джойского типа, а также возле скальных «иконостасов» совершались моления и жертвоприношения, имевшие целью добиться благосклонности высших сил на время конкретного похода. Минимальная варибельность и монолитность изображений джойского стиля в сочетании с максимально широкой их географией наводит на мысль, что посвящались они не каким-то локальным духам конкретной местности, горы или реки, а некоему единому божеству, покровительствующему путешественникам и торговцам. Этот изобразительный пласт, по-видимому, представляет собой особый жанр искусства эпохи ранней бронзы, развивавшийся по своим собственным законам и длительное время существовавший параллельно с классическими окуневскими образцами, представленными на каменных изваяниях и стелах. Признание гипотезы о сопряженности личин джойского типа и древних торговых путей открывает перед нами новые возможности их даль-

нейшего целенаправленного поиска. Особенно перспективными в этом плане могут оказаться скальные выходы, расположенные в верховьях малых рек у горных перевалов Западных Саян и Кузнецкого Алатау.

Необходимость осторожного, строго дифференцированного подхода к проблемам датировки и интерпретации окуневского искусства лишний раз подчеркивают находки в кургане 26 могильника Итколь II. В этой небольшой каменной ограде было обнаружено 16 плит с различными изображениями. Большинство из них находились в разбитом и переиспользованном состоянии. Однако часть рисунков по времени соответствовали моменту строительства кургана и сохранились на своих первоначальных местах. Таковыми, вероятно, являются гравированные изображения быков, нанесенных на стенки двух погребальных ящиков и выполненных в «разливском стиле». Переиспользованные плиты с гравировками в стиле «тощих быков» ранее были обнаружены в могильниках Разлив X и Черновая XI (Пшеницына, Пяткин, 1993). По мнению Д. Г. Савинова, именно эти памятники маркируют финальную стадию существования окуневской культуры, а рисунки «разливского стиля» образуют самостоятельный и, по-видимому, самый поздний пласт в развитии окуневской изобразительной традиции (Савинов, 2005; 2006. С. 164). Они до сих пор не встречались на плитах из захоронений черновского этапа и закономерно считались постчерновскими. В действительности же оказалось, что изображения «тощих быков» наносились на стенки погребальных ящиков еще на уйбатском этапе культуры, задолго до момента формирования комплексов черновского типа.

В этом же кургане обнаружено каменное изваяние, вероятно, также сохранившееся на своем первоначальном месте. Оно было встроено в середину западной стенки ограды и развернуто внутрь кургана, лицевой стороной к центральной могиле. Сама личина довольно простая: овальный контур, два глаза, рот, изогнутая горизонтальная и две вертикальные линии, образующих нос. При этом в кургане обнаружено в разбитом и переиспользованном состоянии несколько фрагментов гораздо более сложных личин различных типов. Означает ли данная ситуация, что сложные и простые изображения являются здесь разновременными? Скорее всего, как и в случае с личинами джойского типа, мы имеем дело с разными проявлениями окуневского искусства, имеющими самостоятельную смысловую нагрузку и свою собственную линию развития. Данное изваяние, по-видимому, относится к особой категории окуневских изображений, которые можно обозначить как «погребальную» или «кладбищенскую» скульптуру. Подобная стела с про-

стейшей личиной была встроена в надмогильное сооружение центрального захоронения кургана 1 могильника Уйбат III (Лазаретов, 1997. С. 35. Табл. III: 1; XI: 1). Еще в двух случаях (Уйбат V, к. 2; Итколь II, к. 14) удалось обнаружить ямы с каменной забутовкой, предназначенные для установки аналогичных изваяний. Все они располагались к западу от центральных могил курганов и, вероятно, предназначались для общения родственников с покойниками, исполняя роль связующего звена между миром живых и мертвых. Подобная функция не предполагала создания сложных, многоплановых образов, таких, как на монументальных каменных изваяниях окуневской культуры. Соответственно эта категория изображений, как и рисунки джойского стиля, должна рассматриваться отдельно от основной массы личин, выполненных на окуневских изваяниях и стелах. Ниже личины на этом же изваянии была выбита фигура тучного быка. Его синхронность гравированным изображениям в «разливском стиле» в данном случае очевидна. Еще три плиты с рисунками быков, выполненных в этой же манере, оказались разбиты и использованы в качестве простого строительного материала. Переиспользованных изображений в «разливском стиле» в кургане обнаружено не было. Не вполне ясно, отражает ли эта ситуация момент перехода от «тучного стиля» к «тощему» или же оба иконографических канона существовали параллельно, выполняя разные функции в рамках единой культурно-хронологической группы памятников.

В кургане 1 могильника Уйбат-Чарков, о котором уже говорилось в связи личинами джойского стиля, все плиты с изображениями находились в переиспользованном состоянии. Тем не менее применительно к ним можно отметить два исключительно важных момента. На стелах этого кургана прекрасно сохранились следы полихромной росписи. Поверхности найденных в нем плит были окрашены красной краской, а выбитые на них линии изображения проработаны черным цветом. Шесть образцов красок в настоящее время отправлены на анализ в Центр изучения доисторического искусства Э. Картальяка во Франции. Возможно, благодаря этому нам удастся выяснить состав красителей, а при наличии в них органики получить дополнительные радиоуглеродные даты. Пока же для этого кургана имеется только одна калиброванная дата, полученная по фрагменту деревянного перекрытия из могилы 11 – 2457–2142 до н. э. Судя по ней, курган 1 могильника Уйбат-Чарков является одним из самых ранних окуневских погребальных комплексов. Это обстоятельство подтверждается сравнительным анализом могильных конструкций, обряда и инвентаря. Тем удивительней выглядят находки в кургане фрагментов сразу нескольких

окуневских стел со сложными, многокомпонентными изображениями. Представленные на них личины обладают практически полным набором традиционных для окуневской художественной традиции изобразительных элементов. Если сопоставить эти изображения с личинами из заведомо более поздних курганов (Усть-Бюрь, к. 5; Итколь II, к. 26), то выяснится, что они представляют одного персонажа и составлены из одинаковых изобразительных элементов. Поздние личины отличаются от ранних только несколько большей декоративностью и изысканностью. Развитие этого образа, как и других окуневских божеств, главным образом, шло по линии эстетизации и многократного дублирования уже известных изобразительных элементов, благодаря чему окуневские личины со временем приобретали все более фантастический и вычурный облик.

Если уже на ранней стадии развития культуры окуневское искусство предстает перед нами в полностью сформировавшемся виде, то не является ли это косвенным доказательством его исходно афанасьевского происхождения? Эта точка зрения, особенно в отношении каменных изваяний со сложной трехчастной структурой изображения, неоднократно высказывалась рядом авторитетных авторов (Мачинский, 1997; Шер, 2007). Уникальные находки роговых подвесок в одном из погребений кургана 14 могильника Итколь II позволяют дать отрицательный ответ на этот вопрос. Там, в грунтовой яме с заплечиками оказалось захоронение ребенка, по-видимому, в берестяной колыбели. Конструкция самой могилы, обнаруженные в ней баночный сосуд с рядом «жемчужин» и мраморный шар с отверстием не дают оснований усомниться в принадлежности этого погребения к уйбатскому этапу окуневской культуры, причем его ранней части. Роговые подвески располагались в области грудной клетки ребенка. На четырех изделиях с различной степенью детализации воспроизведены головки животных: копытное, кабан (?), птицы. Еще четыре подвески представляют собой высокохудожественные миниатюрные роговые копии каменных изваяний. По крайней мере, на двух из них отчетливо просматривается трехчастная вертикальная структура элементов, отвечающая всем классическим канонам: наверху – объемное антропоморфное изображение или голова птицы, в середине – личина, внизу – хищник с оскаленной пастью. С учетом этих находок окуневская принадлежность теперь уже монументальных каменных изваяний едва ли может быть подвергнута сомнению.

Вопрос о конкретном месте и времени формирования окуневского феномена пока еще остается открытым. При описании погребальных сооружений ранних памятников уйбатского этапа культуры

мы отмечали, что их ближайшими аналогами могут считаться могильные конструкции позднего и переходного ямно-катакомбного времени степной зоны юга России. Там же, на территории Северо-Западного Прикаспия и в прилегающих к нему районах Северного Кавказа можно обнаружить аналоги целому ряду изделий окуневской культуры: серебряные и бронзовые височные кольца, черешковые ножи, четырехгранные шилья, костяные колечки из спилов трубчатых костей. Во многих захоронениях этого региона присутствует посыпка охрой, остатки подушек, подстилок и покрывал из органических материалов. Все эти соответствия можно было бы признать эпохальными совпадениями, если бы не их любопытная корреляция с данными антропологии. В своей статье о происхождении и связях окуневской культуры А. В. Громов обратил особое внимание на брахикранные группы ямного и ямно-катакомбного населения с территории Калмыкии (Громов, 1997. С. 308). Это же направление связей, с акцентом на Северный Кавказ и Предкавказье, подтвердил К. В. Солодовников в поисках прародинны европейского компонента в составе окуневской, каракольской и чаа-хольской культур (Солодовников, 2006. С. 19–20). Новейшие исследования краниологических серий Северо-Западного Прикаспия показали, что черепа ямной культуры этого региона, благодаря значительным широтным размерам мозгового и лицевого отделов, отличаются от всех известных краниологических серий ямной культурно-исторической общности (Казарницкий, 2011. С. 20). И именно эти особенности, в частности, ярко выраженная брахикрания, сближают ямные и ямно-катакомбные серии Калмыкии с черепами эпохи ранней бронзы Саяно-Алтая. Есть еще один дополнительный признак, равно представленный в двух антропологических сериях, казалось бы, столь удаленных регионов – очень специфическая затылочно-теменная деформация черепной коробки (Громов, 1995; Хохлов, 2006; Казарницкий, 2011. С. 17–18). Эта особенность столь зримо проявилась на черепах черновского этапа окуневской культуры, что невольно сложилось впечатление об ее отсутствии у предшествующего уйбатского населения Хакасско-Минусинской котловины (Громов, 1995. С. 72–74). Изучение Н. И. Лазаретовой новых материалов выявило наличие такой деформации в ранней краниологической серии окуневской культуры. Просто у уйбатов она оказалась выражена заметно слабее, что еще больше сближает их с ямниками и ямно-катакомбниками Калмыкии. Примечательно, что в середине III тыс. до н. э. в регионе Северо-Западного Прикаспия распространяется восточноманьчжская катакомбная культура, характеризующаяся иным антропологическим типом населения и другими вариантами

черепных деформаций, кольцевыми или лобно-затылочными (Казарницкий, 2011. С. 22; Шишлина, 2007. С. 288). Большая часть представителей ямного и ямно-катакомбного населения вытесняются с занимаемой территории. И именно в это же время гиперфорфные европеиды появляются на Саяно-Алтае, одновременно с распространением там обрядовых традиций и вещевого инвентаря, характерных для синхронных комплексов степной полосы юга Восточной Европы. Нам представляется, что все эти совпадения вовсе не случайны, а являются звеньями единого процесса, который можно охарактеризовать как вторую, постафанасьевскую, волну продвижения степных скотоводов далеко на восток (Лазаретов, 1994; 1997. С. 38–41).

Дополнительным и весомым аргументом в положительном решении вопроса о происхождении населения окуневской культуры могут стать данные по изучению ДНК ее представителей. В настоящий момент нами переданы в лабораторию Страсбургского университета для генетического анализа 44 образца от 4 афанасьевских и 18 ранних окуневских скелетов. Значение таких современных методов определения родства, по мере пополнения единой базы данных, будет возрастать, что позволит со временем составить более полную и достоверную картину миграций древнего населения.

Список литературы

Абдулганеев М. Т., Кирюшин Ю. Ф., Кадиков Б. Х. Материалы эпохи бронзы из Горного Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 52–77.

Громов А. В. Антропологические особенности населения окуневской культуры // Проблемы изучения окуневской культуры. СПб., 1995. С. 70–74.

Громов А. В. Происхождение и связи окуневского населения Минусинской котловины // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 301–345.

Есин Ю. Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 53–73.

Казарницкий А. А. Палеоантропология эпохи бронзы степной полосы юга Восточной Европы // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 24 с.

Кызласов Л. Р. Письмо из энеолита // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 143–145.

Лазаретов И. П. Окуневские могильники долины реки Уйбат (к вопросу о второй волне индоевропейцев в Южной Сибири) // Изучение древних культур и цивилизаций. СПб., 1994. С. 20–24.

Лазаретов И. П. Окуневские могильники в долине реки Уйбат // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 19–64.

Леонтьев Н. В., Капелько В. Ф., Есин Ю. Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан, 2006. 236 с.

Мачинский Д. А. Уникальный сакральный центр III – середины I тыс. до н. э. в Хакасско-Минусинской котловине // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 265–287.

Погожева А. П., Кадиков Б. Х. Могильник эпохи бронзы у поселка Озерное на Алтае // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 80–84.

Подольский М. Л. Два окуневских памятника на ручье Узунчул // Окуневский сборник. СПб., 1997. С. 113–122.

Поляков А. В. Поминальное сооружение окуневской культуры на озере Итколь // Древние культуры Евразии. СПб., 2010. С. 75–80.

Пшеницына М. Н., Пяткин Б. Н. Памятники окуневского искусства из кургана Разлив X // КСИА. 1993. № 209. С. 58–67.

Савинов Д. Г. К проблеме выделения позднего этапа окуневской культуры // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. Барнаул, 2005. С. 28–34.

Савинов Д. Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 157–190.

Солодовников К. Н. Население Горного и лесостепного Алтая эпохи ранней и развитой бронзы по данным палеоантропологии // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006. 25 с.

Хохлов А. А. Черепа с искусственной деформацией эпохи бронзы Волго-Уральского региона // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии. ОРУС: Междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 5. М., 2006. С. 47–52.

Шер Я. А. Была ли окуневская культура? // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 248–250.

Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс. до н. э.) – М., 2007. 400 с.